

УДК 811.511.21

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ»

А.В. Байдак

Томский политехнический университет
E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru

Описаны результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с представителями селькупского этноса в местах их компактного проживания. Предположено, что некоторые традиционные представления селькупов о жизни и смерти находят свое отражение в групповом и индивидуальном сознании современных селькупов. Выявлены наиболее устойчивые и частотные ассоциации, связанные с концептами жизнь и смерть.

Ключевые слова:

Ассоциативный эксперимент, язык и культура селькупов, концепт, жизнь, смерть.

Key words:

The associative experiment, the language and culture of Selcups, concept, the life, the death.

Для исследования структуры и содержания концепта в последнее время наряду с традиционными методами, принятыми в лингвокультурологии, используются также методы других гуманитарных дисциплин, в частности – психологии. Одним из таких приемов является так называемый ассоциативный эксперимент, получивший широкое распространение как метод исследования индивидуального и группового человеческого сознания. В настоящее время существует довольно много разновидностей ассоциативного эксперимента, созданы различные типологии ассоциаций, позволяющие получить конкретные результаты, на материале различных языков, изданы словари ассоциативных норм. Экспериментальные методы исследования концептов, в частности ассоциативный эксперимент позволяет получить информацию эмоционального и оценочного характера, а также выявить наиболее значимые элементы концепта.

Обращение к ассоциативным связям и закономерностям имеет смысл в тех случаях, когда не представляется возможным выявить точные предпосылки семантической связи между двумя единицами, т.е. установить общие компоненты в их значении или же выделить логические или прагматические основания их связи. [1. С. 162]. Когда же речь идет о реконструкции абстрактных концептов, какими являются концепты «жизнь» и «смерть», то апелляция к ассоциативным связям приобретает еще большую значимость. В данной статье представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента, которые позволяют сделать предположение о том, что древние представления селькупов о жизни и смерти имеют некоторые отражения в групповом и индивидуальном сознании современных представителей селькупского этноса.

Свободный ассоциативный эксперимент с представителями селькупского этноса был проведен в Колпашевском районе Томской области (н.п. Иванкино, Инкино, Колпашево, Тогур) и в Каргасокском районе (н.п. Каргасок). В результате эксперимента было получено свыше тысячи слов-реакций. Все респонденты были разделены на две

группы: 1) владеющие селькупским языком; 2) идентифицирующие себя как селькупы, но не владеющие языком. По возрастному признаку опрошенные информанты были разделены на следующие группы: трудоспособные (17–59), пожилые (60–74), старые (75–90). Кроме сугубо возрастных характеристик, такое разграничение, как нам кажется, наиболее объективным образом отражает также и психологические особенности опрошенных информантов. Группу, обладающую знаниями родного языка на уровне отдельных лексем, составляли пожилые и старые люди. Эксперимент был организован следующим образом: в первой части эксперимента каждому участнику предлагалось в устной форме ответить несколькими (1–3) реакциями на предъявляемые слова-стимулы; во второй части эксперимента некоторые из полученных реакций были включены нами в список стимулов с целью проверки прочности ассоциации. Ниже приведены реакции участников ассоциативного эксперимента, данные непосредственно на стимулы «жизнь» и «смерть», включенные в список стимулов нашего эксперимента, а также слова-стимулы (S), на которые в качестве реакции (R) были получены лексемы «жизнь» и «смерть». Слова расположены с индексом по убыванию частоты. Например, слово с индексом (3) означает, что в качестве реакции оно встретилось три раза. Слово без индекса означает, что оно зафиксировано один раз. Жирным шрифтом выделены реакции, совпадающие со стимулами (слово или словоформа).

Реакции (R) на Стимул (S) «жизнь»:

река (32), вода (28), лес (26), дети (23), семья (21), судьба (20), свет (12), существование (10), тайга (10), кровь (8), хорошо (7), время (5), люди (5), солнце (4), охота (3), движение (3), плохая (2), человек (2), труд (2), бабушка, большая, букашки, дедушка, дет-мир, держись, земля, искусство, красивая, легкая, мир, неизвестность, обстоятельства, одному нет смысла, продолжение рода, прожить, прожить – не поле перейти, работа, разная, свобода, сил нет, старость, счастье, творчество, целая наука, человеческая, штука.

Слова-стимулы (S), на которые в качестве реакции (R) была получена лексема «жизнь»:

огонь (41), река (34), вода (34), судьба (28), деньги (30), работа (30), борьба (21), лес (22), соль (20), болото (19), береза (16), солнце (12) счастье (12), хлеб (12), тайга (10), кровь (7), дорога (2), боюсь, жениться, любовь, наслаждаться, семья, родить, рыбалка, труд, природа, мир.

Анализ реакций селькупов, владеющих родным языком показал, что наиболее часто встречающиеся реакции на стимул «жизнь» связаны с природными стихиями и явлениями: *река, вода, лес, огонь, солнце, болото, свет, снег, тайга, земля*, в которых раскрывается биологический аспект жизни, т. е. осознание себя, как неотъемлемой части природы. Второе место по частотности занимают ассоциаты, связанные с родом занятий или обеспечением жизни: *охота, рыбалка, труд, деньги, работа*, а также реакции: *семья, дети, бабушка, дедушка, муж*. Подобные реакции раскрывают значимые для селькупов элементы с точки зрения социально-бытового аспекта жизни. Ассоциации *время, век*, а также связанные с определенным периодом жизни: *детство, жениться, родить, старость* свидетельствуют о взаимосвязи жизни с категорией времени. Мы попытались понять, какие из полученных ассоциаций являются отражением старых представлений селькупов о жизни и смерти. Для этого необходима интерпретация экспериментальных данных с привлечением как языкового материала, так и культурных контекстов.

Жизнь – река; река – жизнь

Результаты ассоциативного экспериментов показали, что данная ассоциация является самой частотной и самой устойчивой: на S *жизнь* было получено 32 R *река*, на S *река* было получено 34 R *жизнь*. Это в полной мере обосновано тем, что издавна селькупы селились по берегам рек и озер, а рыболовство, являлось наряду с охотой важнейшим промыслом. В лексикографических источниках по селькупским диалектам река представлена разными лексемами: таз. *ky*; *goly*, нар. *gold*, об. *qwaj* ‘большая река, обычно текущая в море’; таз. *kety* ‘небольшая река, перемежающаяся озерами или берущая начало из озера или болота’; *mut* ‘плес, расстояние от одного поворота реки до другого’. Лингвистическим свидетельством связи реки с жизнью человека является тот факт, что внутренняя форма одного из наименований реки *kuaj* трактуется селькупам как ‘душа, дух’. Различные варианты этой лексемы зафиксированы в разных селькупских диалектах в материалах М.А. Кастрена: (N, MO, K, Tsch) *kuei* ‘душа’ (Seele), (OO) *kuai* ‘душа’ (Seele), (NP, OO) *kuetjel-qur* ‘дышащий человек’ [2. С. 42]. Использование данной лексемы в качестве географического термина объясняет А.А. Ким: «Как душа-дыхание (или дыхание) входило в жизненный цикл селькупов, так и река представляла жизненно важный объект среднего мира» [3. С. 19]. В материалах лингвистических экспедиций 60–80-х гг. прошлого века находим примеры, в

которых слово *qwej* используется для обозначения любой реки и полностью совпадает по форме со словом ‘дыхание’ или близкими по смыслу словами: СтС *ter qursa, qursa i qwaimda ūdərəbat* ‘Он бежал, бежал и задержал дыхание’; *man qwajarnan sapkan* ‘Я дышу легко’; *qwaŕše amdə qwain kögən* ‘Город стоит на краю реки’; УО *kwej* ‘плес’, *kwej* ‘вдох’.

Важное значение реки в жизни селькупов находит отражение в их языке, о чем свидетельствуют следующие факты: 1) Наличие в селькупском языке специальных наречий, обозначающих направление движения вниз по течению реки (таз. *takkə, toqqə*; Нар. *penzul*; Степ. *pedzile*) и вверх по течению реки (Ив. *cočcel*; НС *čuzile*), сопоставляемых с глаголами таз. *pentəgo* ‘плыть вниз по течению’ и *čettəgo* ‘идти навстречу’. 2) Наличие специальных номинаций способов движения по воде: таз. *antərqo* ‘плыть на ветке, челноке’, *ūqyltygo* ‘плавать’, *rentygo* ‘плыть по течению, не гребя, спускаться вниз по течению’, *titygo* ‘плыть против течения, подниматься вверх по течению’; *pūgo* ‘переплыть на другой берег’. 3) Наличие большого количества глаголов, обозначающих различные виды рыбного лова, например: таз. *kin’cytygo* ‘рыбачить (запором)’, *poqytygo* ‘рыбачить (сетью)’, *tūtyšgo* ‘ловить карася’ и др. 4) Наличие в селькупском языке большого количества наименований для связанных между собой водоемов: *aŋka* ‘протока’, *kuzere* ‘протока, новое русло’, *kal’za* ‘старница’, *pore* ‘затон, омут’, *čbor* ‘пойменное озеро’, *sogra* ‘заболоченный луг’, *n’urmo* ‘заливной луг’, *pon’za* ‘низинное болото’. Связь жизни селькупов с определенной рекой приводит к наличию в языке таких сочетаний, как ‘чижапские люди’, ‘парабельские люди’, ‘обские люди’. О важной роли реки и других водоемов в жизни селькупов свидетельствуют и данные топонимики: в «Словаре селькупских топонимов», собранных в районе расселения тазовских селькупов» зафиксировано более ста гидронимов [4].

Наглядно-чувственный образ концепта «жизнь», репрезентированного в картине мира селькупов формируется на основе собственного опыта. Особенно четко прослеживается связь основных этапов жизни с рекой в бытовых рассказах селькупов. Например, в рассказе селькупки Е.Т. Тагаевой о себе каждый жизненный этап: появление на свет, замужество, рождение детей, старость маркируется рассказчиком определенной рекой. Ср.: *mat t’elembak qetqat* ‘Я родилась на Кети’; *mat βargəyak koldoyət* ‘Я жила на Оби’; *mat čarəyak qūnni tij tūyak taβ kəndə* ‘Я вышла замуж за человека, сюда приехала, на эту речку’; *tendə wargak, tendə pajambak taβ qət šund’eyət* ‘Здесь живу, здесь состарилась на этой реке’; *kiba marla tendə t’elimbatət i orumbatət* ‘Маленькие дети здесь родились и выросли’; *manan iran koldoyən šöskup* ‘У меня муж с Оби остяк’.

В селькупской мифологии прослеживается взаимосвязь частей рек с определенным жизненным этапом героя. Фольклорные сюжеты повествуют о том, что богатырь Итте появляется на свет, как пра-

вило, в верховьях какой-либо маленькой реки, здесь проходит его детство. Мужание богатыря связано с выходом на среднее течение, в то время как в нижнем течении реки он совершает свои подвиги – борется с так называемыми низовскими богатырями и людоедом Пюнэгуссе [5].

Отношение к реке как к самой жизни на современном этапе существования селькупского этноса отражено в полевых материалах этнографа Н.А. Тучковой: «Объ – это жизнь, а все остальное – только около» [5. С. 171]. У современных тазовских селькупов до недавнего времени сохранялось представление о разделении всей селькупской земли по рекам: р. Поколька считалась вотчиной шаманов из рода Карсавиных, р. Кикки-Акки Каргачаевых, р. Ширта – Куболевых, р. Ратта – Калиных и т. д. [6. С. 232].

В мифологической традиции селькупов река выступает в качестве некоего стержня Вселенной, мирового пути, пронизывающего Верхний, Средний и Нижний миры; *ak* ‘устье реки’ (букв. рот) представляет собой место связи реального и ирреального миров. Переход через исток или устье обозначал переход из мира реального в мир потусторонний [5]. В более ранних представлениях, соответствующих горизонтальной проекции, мир описывается как бассейн двух рек – «Орлиной речки» (*limpil’-ki*) и «речки Кедровки» (*kozil’-ki*), соответствующих двум фратриям селькупов. Эти реки имеют общий исток и текут параллельно [7].

**Жизнь – лес; лес – жизнь; жизнь – тайга;
тайга – жизнь; береза – жизнь**

В ходе ассоциативного эксперимента на *S жизнь* было получено 26 *R лес*, на *S лес* было получено 42 *R жизнь*, на *S жизнь* было получено 10 *R тайга*, на *S тайга* было получено также 10 *R жизнь*. Высокая частотность таких реакций вполне объяснима тем, что система жизнеобеспечения селькупов основывалась на рыболовно-охотничьем промысле.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, ассоциация отдельных пород деревьев с жизнью. В частности, на *S береза* мы получили 16 *R жизнь*. В культуре каждого народа существуют отдельные породы деревьев, являющиеся наиболее значимыми именно для представителей данного этноса. Для селькупов – это береза и кедр, противопоставленные как жизнь и смерть [8]. Береза связана у селькупов с рождением, жизнью, светом; ее использовали для изготовления первой колыбели; окуривание березовой чагой служит очищением [6]. Во внутренней форме наименования березы *-qwe* прослеживается связь с основой в значении ‘светиться’, ‘блестеть’, ср.: вас. *qweditol*, об.ч. *qwezadl* ‘светлый, красивый’, вас. *qwedigu* ‘светить’, *telat qwedemba* ‘солнце светит’, об.ч. *kwezegu* ‘быть светлым’, тым. *qwedak* ‘луч’, кет. *qwēdegū* ‘засветить’. Связь этих значений (светлый → береза) легко объясняется характерным цветом светлой коры, по которой возможно и было названо само растение. Таким образом, можно предположить, что жизнь, связанная в

представлениях селькупов со светом, и посылаемая на кончиках солнечных лучей, завершает ассоциативную цепочку *береза – свет – жизнь*. Типологическое сходство наблюдается в древних индоевропейских языках, в которых прослеживается связь первичной основы в значении ‘светиться’, ‘блестеть’ с наименованием березы, ср.: др.-инд. *bhūrjā* ‘береза’, *bhrājate* ‘блестит’, ‘сияет’; гот. *bairhts* ‘светлый’, ‘ясный’, ‘блестящий’ [9].

Белизна, светлый цвет коры березы послужили, по-видимому, основанием для использования березы в качестве жертвенного дерева *qossil’ po*, на которые вешали лоскутки – жертвы для духов. Жертвенное дерево служило своеобразным связующим звеном между средним и верхним мирами, по нему шли просьбы людей к богу. В материалах Е.Д. Прокофьевой упоминаются семь жертвенных деревьев верхнего неба: три из них принадлежали роду Орла, три – роду Кедровки, а одно седьмое дерево – береза – было общим. К березе приносило жертвы все селькупское племя. Жертвенное дерево призвано защищать смертных от близости иного мира [10. С. 374]. Для сравнения отметим, что устойчивые словоупотребления слова ‘береза’ в значении ‘ритуальной чистоты’, ‘невинности’ сохранились в фольклоре балтийских народов [9. С. 620]. Взаимосвязь березы с жизнью подтверждается древним селькупским преданием о происхождении человека из развилки березы, существовавшем у северных селькупов [11. С. 114]. В фольклорных материалах береза отождествляется с женщиной (женским началом, дающим жизнь).

В ходе свободного ассоциативного эксперимента на *S смерть* были получены следующие *R*:

конец жизни (32) уход из жизни (30), горе (30), страшно (20), потеря (16), боль (15), избавление от жизни (15), кровь (10), подземелье (7), огонь (6), море (5), а душа живет, все там будем, возраст, глупая, не верю в загробную жизнь, не надо, не надо бояться, не надо об этом, переход в другое состояние, переход в другой мир, самое страшное, сгниет человек в земле, с косой, ужасная, человек, человек умирает, черный халат, чужая, черная ряса.

S, на которые в качестве *R* была получена лексема «смерть» оказались следующими:

горе (24), страх (17), подземелье (15), убивать (14), кедр (12), мамонт (10), потеря (10), паук (9), зима (7), кровь (7), вода (6), огонь (6), море (5), отдых (3) и др.

Сравнительно небольшое число реакций на стимул «смерть», свидетельствует о табуированности смерти в культуре этноса. В особенности респонденты старшего поколения выказывали нежелание давать ассоциации на данную лексему. От том, что селькупы боятся покойников, писал еще в начале двадцатого столетия в своих дневниках финский ученый К. Доннер путешествовавший, по Сибири и изучавший язык и культуру аборигенных народов Сибири [12. С. 107]. Некоторые полученные ассоциации кажутся нетривиальными, однако, обращение к языку и культурному контексту объясняют многие из них.

Мамонт – смерть

В устных высказывания селькупов пожилого возраста присутствуют негативные реакции на *S мамонт*, например, *плохой зверь, смерть, нехорошо увидеть, страшно*, в то время как ассоциации молодых селькупов, в основном, базируются на представлении о мамонте как о вымершем животном, например: *музей, кости, археолог*. В южных диалектах для обозначения мамонта зафиксирована лексема *kožar*, на севере *košar*. Селькупы представляли мамонта в виде огромного животного, живущего под водой или под землей, обваливающего берега и питающегося землей и глиной. Это связано с многочисленными находками костей и скелетов мамонтов на территории Сибири. Огромные размеры уже не встречающихся на земле животных производили сильное впечатление на воображение селькупов, вследствие чего у них сложились различные сказания о происхождении мамонта, его образе жизни. Подобные мифы распространены у многих народов Северной Азии. Около места, где предполагалось существование мамонта, остяки никогда не плавали на лодках, из боязни, чтобы мамонт не съел их. Появление мамонта предвещало большую беду, массовую смерть, болезни, возможно, войны [13, С. 336, 14. С. 151]. Ярким доказательством этому служат фольклорные материалы [13, 14, 15].

Селькупы верили в необходимость избегать ловить рыбу или наступать зимой на лед в реке или озере, где, согласно древним преданиям обитает мамонт. *Kožaril' ki* 'мамонтная река' считалась «диким», «чертовым» местом [5. С. 152]. В материалах Е.Д. Прокофьевой о старых представлениях селькупов о мире мамонт предстает в виде фантастического существа – мамонта-медведя, который охраняет вход в подземный мир внутри земли [11. С. 111].

Паук – смерть

По данным ассоциативного эксперимента на *S паук* было получено 9 *R смерть*. Селькупская мифология свидетельствует о том, что сердце умершего человека превращается в паука – *ižekasa* (на русском языке селькупы называют его Мизгирь). Паук уходит вниз под землю, но через некоторое время возвращается и живет в кедровых корнях. Паук-мизгирь, плетущий сеть и поедающий кровососущих насекомых и чертей *Пёнеге*, в представлениях южных селькупов является одной из ипостасей главного фольклорного героя *Итте*. Следует отметить, что часто информанты с рек Парабели, Васюгана, Кёнги, не зная сюжетов о герое *Итте*, интерпретировали это имя как название паука, давая ему «русский перевод» словом *мизгирь*. Наиболее развернутые представления о пауках-мезгирах и целом городе мезгирей были записаны на р. Чижапке [15].

Кедр – смерть

Такие ассоциации были получены исключительно от людей пожилого возраста. В древних представлениях селькупов кедр, действительно,

связывался со смертью. Наиболее ранние представления свидетельствуют о том, что покойники (а по более поздним представлениям – их души) плывут в долбленных из кедра колодах в море мертвых. Для изготовления лодки-гроба – последней колыбели человека использовали кедр [11. С. 113]. Фольклорные лингвистические источники служат подтверждением связи кедра со смертью. В одной из сказок нарымских селькупов именно под кедром *šip ne* 'дочь Земли' находит обессилевшего от ран богатыря. В сюжете другой сказки нарымских селькупов отражается связь кедра с нечистой силой: вокруг кедра ночью собираются черти и играют в карты [16]. По свидетельству представительницы чумьлькупской этногруппы Н.С. Макшиной, «жилище человека никогда не устраивали в кедраче, тем более нельзя, чтобы кедр рос непосредственно вблизи дома. Считают, что это к несчастьям и смерти живущих» [17. С. 35]. Кедр представлял собой символическую «дорогу», по которым к живым приходят мертвые и могут увезти за собой. Особенно четко это прослеживается в чумьлькупском ареале. По-видимому, такая прочная ассоциация кедра с миром мертвых уходит своими корнями в глубокое прошлое, когда селькупы хоронили своих умерших родственников на вершинах кедров [11. С. 115]. Известно также использование кедра при воздушно-древесных захоронениях [13. С. 72]. Личина лесного духа (мертвого шамана) всегда вырезалась на стволе дикого кедра [6. С. 245].

Смерть – подземелье; подземелье – смерть

Данные ассоциативного эксперимента показали, что ассоциация смерти с подземельем является довольно устойчивой: на *S смерть* было получено 7 *R подземелье*, на *S подземелье* было получено 15 *R смерть*. С подземельем связаны представления селькупов о нижнем мире. Описание нижнего (подземного) мира приводится в работе Е.Д. Прокофьевой «Старые представления селькупов о мире». По древним представлениям селькупов подземный мир – это, прежде всего, мир умерших, которые продолжают жить там обычной жизнью, той, что они жили на земле. Подземный мир – вместилище множества злых духов, главным из которых является *кузу* – в селькупской мифологии воплощение зла, вызывающий болезни и смерть. С земли попасть в подземный мир можно через расположенную где-то в лесу дыру, к которой ведет грязная дорожка. Негативное восприятие низа, и наоборот позитивное восприятие верха прослеживается в селькупском языке на примере двух антонимичных наречий *illä* 'вниз' и *innä* 'вверх'. В сочетании с глаголом, проверб *illä* 'вниз' может усиливать значение глагола в сторону негативного эффекта, ср.: таз. *qattuqo* 'ударить' – *illä qattuqo* 'убить (ударом)'; *mēqo* 'сделать' – *illä mēqo* 'похоронить'.

Огонь – жизнь; огонь – смерть; смерть – огонь

Данные проведенного эксперимента свидетельствуют об ассоциативной связи огня с одной стороны с концептом жизнь, с другой – с концептом смерть.

На *S огонь* была получена 41 *R жизнь*, однако данная ассоциация оказалась неустойчивой, поскольку на *S жизнь* мы не получили ни одной *R огонь*. Ассоциация огня со смертью оказалась более устойчивой, но зато менее частотной: на *S смерть* было получено 6 *R огонь*, на *S огонь* было получено 6 *R смерть*.

Со смертью *огонь* связан семами 'разрушительная, всепоглощающая сила', 'опасность', 'враждебность', 'жестокость', 'уничтожение'. По данным селькупского фольклора персонифицированный образ духа огня представляется в образе женщины тым. *tūn amba* 'огня мать' или таз. *Tūka pal'cil' imil'a* 'огня пламени бабушка (старуха)'. Ни один смертный человек не может взглянуть ей в глаза и остаться в живых; все под ее взглядом обращается в уголь и пепел. Только огнем можно уничтожить нечистую силу – ведьм и чертей; если черта разорвать на куски, то мясо будет само сростаться, а чтобы черт не возродился, его надо сжечь огнем [5. С. 291]. Сема 'всепоглощающая сила' реализуется в глагольно-именном словосочетании *tū amgugu* 'гореть' (букв. 'огонь съедать'), например: Ласк. *mat poruom tū aβeβpat* 'Моя рубашка горит (букв. Мою рубашку огонь ест)'. Смертоносным огнем, разоженным на небе богом, селькупы считали молнию. Огонь связан с иными мирами и пространствами; в мифологии селькупов он является связующим звеном с миром мертвых; он способен реагировать на появле-

ние среди живых мертвой души, сообщать потреблением волю духов. «Та сторона костра» является, вероятно, проекцией иного мира; ночью она открыта для доступа чертей и покойников [17. С. 98].

С концептом *жизнь* огонь связан такими семами как 'тепло', 'свет', 'очаг', 'жизненные силы, полученные от бога' (таз. *kašqylqo okty tū onkečiqo* 'букв. вздохнуть, в рот огонь вобрать'), 'оберег'. По данным селькупского фольклора каждая мать старалась договориться с *tūn amba* 'огня мать', чтобы та «присмотрела» за малышом в ее отсутствие. По материалам Л.А. Варковицкой функцию оберега выполняет огниво *šeku* [5]. С одной стороны огонь враждебен и неподвластен человеку; с другой стороны огонь имеет огромное значение для жизни: он дает пищу, тепло, свет; огонь кормит, защищает, а значит, дает жизнь, но одновременно он может и отнять жизнь, разрушить, «сжечь» все вокруг, «украсть» ребенка.

Таким образом, изложенная в начале статьи гипотеза о том, что некоторые традиционные представления селькупов о жизни и смерти находят свое отражение в групповом и индивидуальном сознании современных представителей селькупского этноса, подтвердилась. Наиболее устойчивыми оказываются ассоциации жизни с рекой, и лесом, как объектами среднего мира, т. е. мира обитания людей; смерти – с подземельем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 363 с.
2. Castren M.A., Lehtisalo T. Samojedische Sprachmaterialien. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960. – 462 S.
3. Ким А.А. Очерки по селькупской культурной лексике. – Томск: Изд-во НТЛ, 1997. – 219 с.
4. Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – Т. 3. – 219 с.
5. Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 382 с.
6. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
7. Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – 80 с.
8. Кулемзин В.М. Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII–XX вв. Селькупы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 355–360.
9. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 420 с.
10. Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского шамана) // Сборник музея археологии и этнографии. – 1949. – Т. 11. – С. 335–375.
11. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 106–128.
12. Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. – Stuttgart: Verlag für Strecker und Schröder, 1926. – 199 S.
13. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.
14. Кузьмина А.И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. – Новосибирск: Наука, 1967. – С. 267–329.
15. Максимова Н.П. Полевые материалы по селькупскому языку // Архив кафедры языков народов Сибири. – 1984. – Т. 60. – С. 25–45.
16. Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц., Максимова Н.П., Ильяшенко И.А. Сказки Нарымских селькупов. – Томск: Изд-во НТЛ, 1996. – 191 с.
17. Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX – XX вв.): дис. ... канд. истор. наук. – Томск, 1999. – 197 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

вас. – васюганский диалект селькупского языка, Вольд. – Вольджа, гот. – готский язык, др.-инд. – древне-индийский язык, Ив. – Иванкино, кет. – кетский диалект селькупского языка, Ласк. – Ласкино, Нап. – Напас, нар. – нарымский диалект селькупского языка, НС – Новосондрово, об. ч. – говор обских чумьлькупов, Степ. – Степановка, СтС – Старосондрово, таз. – тазовский диалект селькупского языка, тым. – тымский диалект селькупского языка, УО – Усть-Озерное.

Поступила 18.03.2010 г.